

Глава 52 - Подарок.

Сан Ян взял в руки окарину, опробовал ее и начал играть.

Звук окарины был низким и мелодичным, мрачным и далеким. Сяо Юй слушал его вполуха, как будто его разум путешествовал сквозь века, возвращаясь в знакомый и незнакомый дом, где ему были знакомы высотные здания, пересекающиеся дороги, мигающий неон реклам, его дорогие родители, его любимые учителя, его друзья, но не он сам.

В следующий момент он оказался на заснеженной равнине, все вокруг было покрыто льдом и снегом, все, что он знал, исчезло, и он остался один во всем мире.

"Ланьцзюнь, Ланьцзюнь", - кто-то негромко позвал его.

Сяо Юй пришел в себя и увидел, что Сан Ян смотрит на него с обеспокоенным выражением лица. Маленькая рука нежно погладила его лицо. Он посмотрел вниз и увидел, что это А-Пин прикасается к его лицу. Он схватил руку А-ПИна и обнаружил, что она мокрая, поэтому он вытер щеку тыльной стороной ладони.

А-Пин поднял руки и беспокойно обхватил ими шею Сяо Юя, прижавшись лицом к нему. Хотя он был маленьким, он мог чувствовать эмоции взрослого человека.

Сяо Юй смущенно улыбнулся и вытер слезы: "Ты так хорошо играешь, что я вспомнил кое-что из прошлого".

Сан Ян осторожно и неуверенно сказал: "Я сожалею, что вызвал печаль Ланьцзюня. Если вы хотите, вы можете поговорить со мной об этом".

Сяо Юй махнул рукой: "Не о чем говорить. Как долго ты этому учился?"

Сан Ян посмотрел на керамическую окарину в своей руке и сказал: "Она была у меня столько, сколько я себя помню, и я не знаю, кто мне ее подарил. Я выучился сам, без обучения".

Сяо Юй изумился: "Ты гений, ты научился этому без учителя".

"Я не гений, это всего лишь маленький навык", - уши Сан Яна покраснели от его комплимента.

Сяо Юй спросил: "У тебя есть название мелодии, которую ты только что сыграл?"

Сан Ян покачал головой: "Нет".

Сяо Юй сказал: "Что ты имел в виду, когда играл это произведение? Почему бы тебе не дать ему название?".

"Пожалуйста, дайте ему имя",- Сан Ян сжал кулак.

Сяо Юй улыбнулся и сказал: "Я не буду выставять себя дураком, ты - создатель и имеешь право назвать его. Ты когда-нибудь думал записать эту мелодию?".

Сан Ян покачал головой: "Я никогда не изучал музыку, поэтому не знаю, как ее записать. А вы можете?"

Сяо Юй знал, что много древней музыки было утрачено из-за отсутствия простой и эффективной нотации. Он знал простые ноты, но никто здесь не знал арабских цифр.

"Я знаю только простую музыку. Ты разбираешься в музыке, Линьчжи?",- Сяо Юй нечаянно заметил, что Пэй Линьчжи в какой-то момент вышел и стоял в коридоре, глядя на них глубоким взглядом.

Пэй Линьчжи не ответил ему, но сказал: "Не пора ли искупать А- Пина?".

"Да, пора купаться",- Сяо Юй согласился, не забыв при этом сказать Сан Яну: "Может быть, ты захочешь изучать музыку, когда у тебя будет время, ты очень талантлив в этой области".

Пэй Линьчжи подошел к ним и взял А-Пина из его рук.

Сяо Юй встал: "Я сделаю это, а ты иди и копируй книгу".

Пэй Линьчжи проигнорировал его: "Я принесу воды для тебя".

Цзи Хай и Цзю Янь вбежали снаружи с мокрыми волосами, и Цзи Хай остановился на своем пути: "Учитель, я принесу воды для Ланьцзюня".

Пэй Линьчжи спросил: "Цзю Янь ведь не заходил на глубину?". Эти двое пошли купаться в речке.

Цзю Янь поспешно сказал: "Конечно нет, Учитель. Я мылся на мелководье, и старший брат может это подтвердить".

Цзи Хай также сказал: "Учитель, он не заходил, я наблюдал".

Сяо Юй спросил: "Цзю Янь научился плавать?".

"Научился немного. Я даже попробовал метод самоспасения при утоплении, которому Ланьцзюнь учил меня, и я действительно смог выплыть из воды, так что я больше не буду бояться утонуть", - сказал ПЛЕМЯННИК Цзю Мо, с волнением размахивая руками.

"Это прекрасно, что ты научился",- улыбнулся Сяо Юй.

"Но все равно, ты не можешь заходить в воду по своему желанию",- Пэй Линьчжи был серьезен, он беспомощно посмотрел на Сяо Юя, Его Высочество снова работал над каким-то странным средством первой помощи?

Сан Ян сидел за каменным столом, глядя на них, разговаривающих и смеющихся, с выражением зависти в глазах, он не мог вмешаться в их разговор. Он должен пойти и изучить музыку и сочинить еще несколько мелодий, чтобы потом порадовать Сяо Юя.

Когда Сяо Юй вышел из ванны, А-Пин был уведен старшими детьми, чтобы поиграть вместе. Цзи Хай держал А-ПИна, а за ними гнались Цзю Янь и Юэ-эр, которые, казалось, играли в игру "поймай вора".

А-Пин был так взволнован, что смеялся. Он ничего не знал, просто он был рад, что с ним играет много людей.

Сяо Юй сказал: "Вы все приняли ванну, не так ли? Вы сейчас все спотеете от бега, и вам придется потом снова мыться?".

Цзи Хай остановился: "Все, хватит веселиться, давайте расходиться".

Когда А-Пин увидел Сяо Юя, он раскрыл свои объятия и попросил обнять его. Сяо Юй взял его и вытер рукой его лоб, улыбаясь: "Ты же не бежал, почему ты весь вспотел?".

Он сорвал платок, висевший на бамбуковом шесте перед крыльцом, и вытер ему пот со лба и шеи.

Сяо Юй взял с каменного стола веер из листьев пальмы и обмахивался им, входя в комнату. Пэй Линьчжи все еще сидел перед лампой и переписывал книгу.

Сяо Юй посмотрел на него и увидел, что его почерк был где-то между официальным и обычным письмом, очень аккуратный и красивый, подходящий для начинающих. Сяо Юй заметил пот на его висках: "Тебе тоже жарко?".

"Нормально",- Пэй Линьчжи поднял на него глаза.

"Вытри пот",- Сяо Юй протянул ему платок и помахал на него веером, только лампа

покачнулась и почти погасла.

Пэй Линьчжи протянул руку, чтобы заблокировать ветер, и сказал с улыбкой: "Не маши, это не имеет значения".

Сяо Юй остановился, но если он не стал нагонять ветер, это не значит, что его не было. Ветер, ворвавшийся через окно, заставил огонь снова сильно задрожать, Сяо Юй на мгновение нахмурился и вышел с А-Пином на руках.

Пэй Линьчжи повернул голову и спросил: "Куда направляется Ланьцзюнь?"

Сяо Юй сказал: "На улицу".

"Возьми с собой Цзи Хая".

"Хорошо".

Сяо Юй вышел, и вернулся с куском шелка.

Пэй Линьчжи с любопытством спросил: "Что Ланьцзюнь делает с этим? Ты хочешь шить одежду?"

"Это не для шитья одежды, я хочу сделать абажур".

Белой бумаги не было, а свет был слишком тусклым для бумажного фонаря, поэтому вместо него использовался шелк. Абажур был прост в изготовлении: он был сделан из бамбуковых полосок, связанных в форме фонаря и обернутых шелком.

Шелк - это обычная пряжа, бесцветная и тонкая, с хорошей светопрозрачностью, поэтому его можно разместить над лампой, чтобы блокировать ветер и не влиять на освещение.

Пэй Линьчжи поднял голову и мягко улыбнулся: "Спасибо, господин".

Сяо Юй посмотрел на его улыбку и был очень польщен. Он обмахнул Пэя Линьчжи своим веером: "Смотри, так ты не будешь бояться ветра". Лампа была защищена, так что сильный ветер снаружи больше не влиял на огонь.

Пэй Линьчжи был тронут до глубины души: "Не надо меня обмахивать, я сам это сделаю".

Веер в руке Сяо Юя продолжил махать: "Продолжай писать. Я помашу для тебя немного".

Пэй Линьчжи не посмел разочаровать его, поэтому он собрался с мыслями и спокойно продолжил переписывать книгу.

Пока Сяо Юй смотрел, как он копирует книгу, его мысли медленно переходили к искусству печати подвижным шрифтом.

Было очевидно, что печать подвижным шрифтом гораздо практичнее других методов, поскольку с его помощью можно было вырезать набор символов для самых разных целей, и это был чрезвычайно безболезненный для резчиков способ работы.

Но стоит ли вообще вводить подвижную печать? В конце концов, это было не его собственное изобретение, и это было большой заслугой Би Шэна, это он придумал печатание подвижным шрифтом.

Но существовал ли Би Шэн в это время и в этом месте? Казалось, что история пошла в другом направлении, чем то, которое он так хорошо знал со времен династии Цзинь.

Если это было так, то это не имело бы значения, верно? В конце концов, печать была необходимым условием для развития общества.

"Ланьцзюнь! Ланьцзюнь!"

Сяо Юй внезапно пришел в себя и обнаружил, что Пэй Линьчжи смотрит на него: "Что случилось?".

В глазах Пэй Линьчжи было некоторое беспокойство: "О чем ты думаешь?"

"О, я думал о печати".

"Есть ли проблемы с печатью?,"- спросил Пэй Линьчжи.

Сяо Юй сказал: "На данный момент нет никаких проблем, за исключением того, что я думаю, что для гравера слишком много работы, чтобы выгравировать целый набор пластин для каждой книги".

Пэй Линьчжи улыбнулся: "Но это также намного быстрее, чем копировать от руки, это всего лишь одно усилие, и впоследствии ты сможешь сделать бесчисленное количество книг".

В конце концов, Сяо Юй ничего не сказал об искусстве подвижной печати, он только-только «изобрел» гравировку, и сразу же занялся подвижной печатью? Он полагал, что тогда окружающие будут поклоняться ему как богу.

В конце концов, между гравировкой и печатью проходило не менее двух-трех сотен лет.

Сяо Юй спросил: "Что ты хотел сказать?".

Пэй Линьчжи осторожно спросил: "У тебя что-то на уме?".

Сяо Юй был ошеломлен и ответил: "Нет".

"О чем ты думал, когда слушал песню сегодня?".

Сяо Юй подумал, - наверняка он все-таки видел: "Я просто думал о том, что случилось дома".

Пэй Линьчжи отложил кисть и взял Сяо Юй за руку обеими руками: "Ты тоскуешь по дому, однажды мы вернемся".

Сяо Юй горько улыбнулся, он никогда не сможет вернуться назад.

Видя его таким, сердце Пэя Линьчжи сжалось: "Простите, господин, что снова заставил вас грустить. Не печальтесь, господин, Линьчжи всегда будет с тобой".

Сяо Юй кивнул с красными глазами: "Спасибо, Линьчжи".

Пэй Линьчжи отпустил его руку и сменил тему: "Я хотел спросить, после открытия школы Лай Фэн и его люди будут жить там?".

Сяо Юй сказал: "Это был мой первоначальный план, на самом деле есть преимущества в том, что они живут здесь, по крайней мере, ты не будешь постоянно беспокоиться о моей безопасности".

Пэй Линьчжи также признавал это, он не мог понять, насколько эти люди владеют боевыми искусствами, но они определенно были намного лучше, чем Цзи Хай.

Новый губернатор собирался вступить в должность, поэтому было немного тревожно, лучше, что они находятся рядом, для большей безопасности.

Пэй Линьчжи предложил: "Тогда пусть Сан Ян и Гуань Шань переедут в школу, а Лай Фэн останется здесь. Тайные стражи привыкли быть одни, поэтому, им не стоит тесниться втроем в одной комнате".

Сяо Юй был удивлен: "Ты все еще заботишься о личном пространстве?".

Пэй Линьчжи отвернулся и взял кисть, чтобы начать переписывать: "Если вы хотите держать их здесь, то забудьте об этом".

Сяо Юй улыбнулся: "Тогда пусть Сан Ян и Гуань Шань переедут в школу, а Лай Фэн останется".

Уголок рта Пэя Линьчжи поднялся, но быстро опустился обратно.

На следующий день Сяо Юй обратился к Лай Фэну и всем трем с вопросом о жилье, и Гуань Шань был полностью согласен: "Нет проблем, я перееду туда".

Сан Ян немного колебался: "Я...".

Сяо Юй спросил: "Ты не хочешь переезжать?".

Лай Фэн сказал: "Если Сан Ян не хочет, тогда я перееду".

Сан Ян поспешно сказал: "Нет, я сделаю это. Старший брат, оставайся и защищай Ланьцзюня и А-Пина".

Сяо Юй улыбнулся и сказал: "В школе немного прохладнее, но комнаты не хуже, чем здесь. Комнаты там уже подготовлены, так что вы можете пойти и посмотреть сначала".

Сан Ян был явно немного растерян: "Спасибо, господин".

После ухода Сяо Юя, Гуань Шань начал собирать свои вещи, которых было немного, только смена одежды и меч.

Сан Ян, напротив, не шелохнулся, только смотрел на керамическую окарину, лежащую в изголовье кровати, и молчал.

Лай Фэн сказал: "Шисань, ты не хочешь переезжать?"

Сан Ян повернул голову, чтобы посмотреть на него, и слегка покраснел: "Нет, все в порядке", - он медленно начал собирать свои вещи.

Лай Фэн сказал: "Сначала, когда наш господин сказал, что хочет отдать вас обоих Ланьцзюню, я помню, что ты тогда не был рад этому, поэтому я никогда не говорил об этом Ланьцзюню. Почему бы мне не пойти и не поговорить с ним сейчас и не попросить его взять тебя к себе?"

Уши Сан Яна покраснели: "Брат, не говори ничего. Я не это имел в виду".

Гуань Шань, который всегда был немногословным человеком, вдруг сказал: "Не упоминай меня, если вдруг соберешься что-то сказать, старший брат, у меня не хватит смелости, противостоять Пэй Ланьцзюню".

Лай Фэн вздохнул: "Шисань, я знаю, что ты восхищаешься Сяо Ланьцзюнем, и мы уважаем его от всего сердца. Как вы все видите, в мире нет никого, кто мог бы сравниться с ним по мастерству, и он не является тем, кого можно осквернить. Лучше отбрось свои мысли, и сосредоточься на верной службе. Если мы сможем добиться успеха в будущем, мы станем его слугами и оставим след в его сердце. Разве это не лучше, чем предлагать себя так?".

Сан Ян плотно сжал губы, но кивнул.

В первый день июня школа официально открылась.

Более сотни школьников из четырех окрестных деревень собрались в школе в деревне Байша. Соотношение мальчиков и девочек было крайне неравномерным: только одна девочка из дальних деревень, которая пришла со своим старшим братом, и дюжина девочек из ближних деревень.

Дети никогда раньше не видели такого красивого кирпичного дома, а теперь у них появилась возможность пойти в школу. Думать об этом было волнующе.

В первый день не было никаких формальных занятий, только знакомство, выполнение классных заданий, раздача книг, инструктаж по школьной дисциплине и обучение технике безопасности. Учителя также рассказывали детям в своих классах и о том, как необходимо учиться, и на этом этот учебный день закончился.

Сяо Юй испытывал огромное чувство удовлетворения, наблюдая, как большие и маленькие дети радостно расходятся по своим домам.

Таким образом, была создана первая школа, и он надеялся, что за ней последуют вторая и третья... Подобно искре, которая может превратиться в пожар в прерии.

Он также знал, что путь предстоит долгий, но, по крайней мере, они уже были в пути.

Впервые Сяо Юй начал всерьез задумываться о желании Пэя Линьчжи поехать с ним. Это был слишком сложный выбор для него, но ведь он не был совсем недостойным, не так ли?

Сяо Юй отвечал за второй и третий классы арифметики, у тех же детей, которых он учил.

Он брал с собой А-Пина на каждый урок, так как у Сяочунь, которая помогала ему с детьми, тоже были уроки по утрам.

У малыша была специальная парта и стул, он сидел в классе, как и старшие дети, и слушал лекции Сяо Юя.

А-Пин хорошо адаптировался к классу, и очень часто он мог спокойно сидеть и делать вид, что слушает, как старшие дети, даже если он совсем ничего не понимал.

Иногда он вставал со стула и ходил по классу за Сяо Юем, заставляя старших детей смеяться над его шатающейся походкой.

В этот момент Сяо Юй обращался за помощью к Гуань Шаню, инструктору по боевым искусствам, у которого было меньше всего занятий, который приходил и уносил ребенка играть на улицу.

А-Пин хорошо приспособился к жизни в школе, так как там было много людей, а он любил быть рядом, поэтому старшие дети заботились о нем и играли с ним между уроками.

В шестой день июня, у А-Пин был первый день рождения.

Чтобы отпраздновать его, Сяо Юй решил сам заняться готовкой и приготовить для малыша роскошный праздничный пир на маленькой кухне.

Для этого пира, Пэй Линьчжи, который давно не охотился в горах, приготовился отправиться на охоту.

Неожиданно, но первый ураган года пришелся на пятый день июня.

В целях безопасности учащихся, школа была закрыта.

В этом году погода была хорошей, и с начала лета не было ни одного урагана.

Сяо Юй все еще надеялся, что все пройдет хорошо для Мин Чона и остальных, и они смогут вернуться в ближайшее время.

Ураган не был сильным, но принес обильные дожди, которые убрали жару и сделали погоду прохладной, как никогда.

Из-за урагана празднование дня рождения А-Пина пришлось ограничить.

Пэй Линьчжи не мог пойти на охоту, и даже обычные морепродукты были недоступны.

Сяо Юй распорядился убить свинью, курицу и сварить горшок тофу.

Пока Сяо Юй был занят на кухне, за А-Пином наблюдала Сяочунь.

Несколько детей играли во дворе с зонтиками из масляной бумаги и шляпами, пуская босыми ногами пузыри воды.

А-Пин любил воду, и когда он увидел, как они играют, он тоже захотел пойти, но Сяочунь не разрешила ему играть под дождем.

Сяочунь на минутку зашла в пристройку, а вернувшись, обнаружила, что А-Пин выбежал во двор.

У него не было ни зонтика, ни шляпы, его маленькие ножки радостно ступали по лужам, и он уворачивался, когда дети гонялись за ним с зонтиками.

Маленький пухлый малыш, который обычно ходит шатаясь, в этот момент бежал очень быстро.

Сяочунь забеспокоилась, и бросилась прямо под дождь: "А-Пин, тебе нельзя мокнуть".

Несколько человек погнались за ним и, наконец, поймали этого проворного толстячка. Сяочунь передела его в сухую одежду, но он не был слишком рад этому, извивался и хотел играть.

Этот эпизод прошел быстро, и никто не принял его близко к сердцу.

В полдень люди из дома праздновали день рождения А-ПИна, пришли даже Сан Ян и Гуань Шань.

После трапезы Сяо Юй также последовал традиции и провел церемонию выбора для А-ПИна, положив такие предметы, как кисть, книгу, абак, деревянный меч, маленький лук, деревянную линейку, серебряный самородок и еду, к которым Лай Фэн также добавил нефритовую печать.

А-Пин, у которого на бровях было немного пунцовых пятен, сидел посреди циновки, глядя влево и вправо, и наконец подполз к еде, схватил ее и положил в рот.

Все засмеялись, а Сяо Юй сказал: "Ты действительно любишь есть, это хорошо, это значит, что ты благословлен пищей и всю жизнь будешь сыт. Выбери еще, А-Пин".

А-Пин посмотрел на него и пополз в его сторону, затем схватил деревянную линейку перед Сяо Юем.

Лай Фэн был вне себя от радости, но не осмелился показать это, задержав взгляд на Сяо Юе.

Сяо Юй поднял А-Пина и сказал с улыбкой: "Хорошо, что ты схватил линейку. Это показывает, что у нашего А-Пина есть мерило в сердце, и в будущем он будет честным и справедливым человеком".

Лай Фэн знал, что он на самом деле не имел в виду это, это можно было интерпретировать как измерение мира, или это могло означать установление норм, в любом случае, символизм был превосходным.

Сяо Юй потыкал кончик носа А-Пина: "А-Пину исполнился год, пусть наш А-Пин растет здоровым и невредимым, и было бы хорошо, если бы он мог начать говорить".

А-Пин сидел в объятиях Сяо Юя, он зевнул и начал дремать.

Сяо Юй сказал: "Я уложу его, а вы можете убрать все".

Когда он проснулся, Сяо Юй обнаружил, что А-Пин, который обычно просыпался раньше него, все еще спит.

Он протянул руку и потрогал лоб А-Пина, и обнаружил, что он страшно горячий, поэтому он немного запаниковал, А-Пин был в лихорадке.

Он был беспокойным ребенком, но у него не было ни одной болезни с тех пор, как он приехал в Ячжоу, и он очень хорошо адаптировался.

Это был первый раз, когда у него был жар, поэтому Сяо Юй поспешно встал и сказал Пэйю Линьчжи, который копировал книгу за столом: "Линьчжи, у А-Пина жар".

Пэй Линьчжи отложил кисть и обернулся: "Лихорадка серьезная?".

"Да, что мне делать?",- Сяо Юй торопливо пошел намочить платок, чтобы сделать А-Пину холодный компресс.

Пэй Линьчжи также подошел и коснулся лба А-Пина: "Очень горячий. Он никогда не болел, почему он заболел сегодня?".

Сяо Юй нервно сказал: "Я не знаю. Может, отвезем его к врачу?".

Пэй Линьчжи посмотрел на небо, за окном все еще шел дождь: "Дома есть только большая открытая повозка".

Сяо Юй сказал: "Ты выводи повозку, а я надену соломенный плащ и понесу А-Пина".

Пэй Линьчжи сказал: "Хорошо, я подготовлю повозку".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14646/1300251>